

В 2013 году Каменноостепной средней школе Таловского района Воронежской области присвоили имя ее бывшего директора и учителя — Алексея Михайловича Иванова (1922–2011). В статьях о нем перечисляют врученные ему награды: орден Ленина, медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За трудовое отличие», «За трудовую доблесть», «Ветеран труда», золотую и три серебряные медали ВДНХ СССР, значки «Отличник народного просвещения», «Отличник соцсоревнования сельского хозяйства РСФСР». Кроме того, называют ученую степень кандидата педагогических наук и сообщают о присужденных званиях: почетный гражданин Таловского района, отличник народного просвещения, заслуженный учитель школы РСФСР, народный учитель СССР. Учитывая, что Алексей Михайлович более 50 лет трудился в сельской местности, этот перечень наград и званий характеризует его как необыкновенного человека. Однако интересно, что инициатива присвоить школе его имя принадлежала в первую очередь не властям, а школьным выпускникам, добивавшимся желаемого результата в течение почти двух лет. Почетные звания и награды говорят о значительности дела человека, но не раскрывают его неповторимую индивидуальность. Поэтому мне захотелось рассказать о том, что вызывало любовь и уважение к Алексею Михайловичу в ученическом возрасте и что осозналось выпускниками во взрослом состоянии.

До седьмого класса я проучилась в шести разных школах, где пропускала занятия месяцами, четвертями и даже полугодиями. Мой отец, вернувшийся в 1947 году в родную Воронежскую область, сначала долго не мог устроиться на всюду требовавшуюся работу агронома из-за перенесенной несправедливой репрессии, а потом его переводили с одного сортоиспытательного участка на другой. Поэтому поздней осенью или зимой мы переезжали на лошадях из села в село, из одного района в другой. Теперь трудно представить, с какими трудностями мы ехали на санях по несколько дней, ведь в те времена по области не было асфальтированных и обегаемых дорог. Родители с трудом устраивали свою жизнь в селе, куда переезжали, а я нередко надолго заболела.

В шестом классе училась с большими пропусками в семилетней школе, куда ходила километров 5–6 из маленького села Гуляй-Поле одна или, если повезет, с двумя-четырьмя другими учениками. Зимой добирались без дороги, чернила в непроливашках замерзали, и, сидя в пальтишках на лавках у длинных столов, мы только урока через два могли писать. В памяти из этой учебы остались лишь приключения по пути в школу и домой. А также жуткое происшествие: однажды школьный директор выскочил с ружьем навстречу идущим ученикам и стал стрелять в собак, провожавших хозяйских детей. Большая часть собак сбежала, а две остались лежать мертвые. Мальчишки горько завопили, а директор закричал, что нечего водить сюда собак. Наверное, родителей не устраивало многое в этой школе, но мое потрясение, очевидно, оказалось последней каплей, и папа решил отдать меня, если примет директор, в Каменностепную школу.

Она располагалась в 7 километрах от села Гуляй-Поле, на первом участке научно-исследовательского сельскохозяйственного института имени В.В. Докучаева. Институт имел 4 населенных участка, поля, лесные полосы, пруды раз-

ных размеров, сельскохозяйственный техникум. А вся территория с давних времен называлась Каменная Степь, отсюда и название школы.

Так в 1953 году я впервые встрети-лась с Алексеем Михайловичем Ивановым. Он поразил меня обаятельной внешностью: высокий, стройный, аккуратно одетый, с пронизывающим взглядом и доброжелательным выражением лица. Внимательно выслушал просьбу папы принять дочь в 7-й класс школы, хотя далекие хождения в одиночку и будут тревожить родителей. Посмотрев документы, Алексей Михайлович согласился принять меня и посоветовал в начале учебного года ездить на занятия на велосипеде, а зимой на лыжах.

Седьмой класс был во второй смене. В сентябре ездила в школу на велосипеде. У заборчика стояло огромное количество великов, как говорили — так же добирались многие ученики с разных участков и сел. Они учились в первой смене в 8–10 классах и во время моего прибытия начинали разъезжаться. В Таловском районе тогда действовало всего четыре средние школы, из них две — в Таловой. Семилетнее образование было обязательным и бесплатным, а за 8–10 классы нужно было платить (до 1955 года). Из многих сел желавшие учиться в старших классах поступали в эту школу.

Поздней осенью дожди и темнота очень усложняли мне возвращение домой. От первого до второго участка института учеников часто возили на маленьком автобусе, и я тоже ездила в этой жуткой тесноте. Но дальше надо было в одиночку идти несколько километров в темноте по полям, пробираться через глубокий овраг или переходить по неустойчивым доскам через водоспуск огромного пруда под названием Докучаевское море.

Алексей Михайлович понимал, как трудна и грозна ежедневная дорога в школу и домой у далеко живущих учащихся, и добился открытия для них бесплатного интерната. На втором участке института выделили барак, состоящий

из двух больших комнат с входами с разных сторон, разделили их между мальчиками и девочками. Директор собрал родителей, готовых отдать детей в интернат на рабочие дни, и они договорились, какие продукты и сколько необходимо приносить на каждый месяц: самодельную лапшу, подсолнечное масло, картошку и т.д. Готовить еду интернаты должны были сами. Алексей Михайлович решил, что и я могу там жить. Однако мои уроки во второй смене не совпадали с занятиями других, и приготовление пищи явно усложнило бы мою учебу. И он предложил собравшимся родителям не включать меня в очередь дежурных, готовящих еду, а просто разрешить девочкам привлекать меня к помощи в разных делах. Все согласились.

Нам выдали кровати, расставили их по два длинных ряда в каждой комнате, а постели мы должны были принести из дома. С учебниками и тетрадями сложили простынки и наволочки, а вместо матрасов все захватили специальные большие мешки. После занятий в школе вечером я ходила со всеми по очереди к конюшне насыпать в мешки солому и расстилать их на кроватях.

В первую же неделю интернатской жизни дежурная девочка, думая, что в кастрюле грязная вода, вылила общее, объединенное подсолнечное масло в отходы. Расстроились, но договорились не рассказывать об этом никому и весь месяц жили без масла. Как-то я подумала, что надо бы иметь в интернате географические и исторические карты, ведь тогда ни у кого из нас не было никаких наглядных пособий. Пошла с этой просьбой к директору, потому что не слышала от учащихся, что он помогает в решении их проблем. На следующий день Алексей Михайлович выдал мне большие карты, старые, но вполне подходящие для пользования. Мы повесили их на стены, с увлечением «гоняли» друг друга по ним, и вскоре стали хорошо ориентироваться в географии разных эпох, получали хорошие оценки. Впервые весь учебный год я занима-

лась, не бояясь, не пропуская занятий месяцами, как было у меня в других школах.

Мы нередко говорили о том, что было бы удобнее, если бы интернат открыли на первом участке, где находилась наша школа, ведь сейчас она располагалась от нас за два с половиной километра. Но, видимо, там не нашли помещения, ведь и школьные занятия проходили в здании, где шла институтская работа. Оказалось, Алексей Михайлович добивался, чтобы специально построили школу именно на втором участке, где жило большинство институтских детей-школьников и открылся интернат. Летом здание было готово, хотя осенью еще велись отделочные работы.

В сентябре учащиеся работали в сельском хозяйстве. Мой 8-й класс отправили в колхоз. По два-три человека расселили по частным измам с соломенными крышами и земляными полами. В первый рабочий день с утра на грузовой машине отправились на далекое поле убирать арбузы. До вечера нам не привозили не только еды, но и воды. Арбузов убрали большое количество, но очень устали. Возникали и другие проблемы. В одной семье, куда поместили двух соклассниц, имелся патефон, и однажды вечером мы собрались там потанцевать. Все танцевали в обуви, и земляные полы ободрались. Возник скандал. Наши трудности и недовольство нами старалась разрешить учительница немецкого языка Нина Николаевна Дисккая. Но так сложно было все отрегулировать, что через две недели она сказала колхозному руководству, что нам пора учиться, и попросила отвезти всех в Каменную Степь. Алексей Михайлович ее трудности понял, поэтому не вернул нас в колхоз, хотя школа еще не открылась, а поручил нам трудиться на полях института имени В.В. Докучаева.

Когда, наконец, начались занятия, узнали, что Алексей Михайлович — наш учитель литературы. Его уроками класс был потрясен. Речь учителя захватывала внимание всех восьмиклассников и рождала желание войти в мир

изучаемых личностей. Как так увлек А.С. Пушкин, что мы захотели провести посвященный ему вечер. Алексей Михайлович порадовался нашему предложению и посоветовал сыграть понравившиеся нам отрывки из пушкинских произведений и выразительно почитать полюбившиеся стихи. Получалось, что мы вроде как сами инициаторы этого мероприятия. Стихи для чтения на вечер выбирали сами. Самостоятельно составили программу вечера, проводили репетиции, задавали Алексею Михайловичу вопросы, если у нас возникали противоречия. Пушкинский вечер прошел великолепно!

В этом двухэтажном школьном здании не было зала, но с помощью директора приспособились. В одном конце коридора на втором этаже сделали возвышенную площадку. Она бывала и сценой на вечерах и концертах, и местом президиума на различных собраниях. А сам коридор превращался в зрительный или танцевальный зал. Или в место построения классов для обсуждения текущих проблем, оставаясь в часы учебы обычным коридором.

В вечернее время 31 декабря каждого года в том же коридоре собирались старшеклассники, одетые в маскарадные костюмы, которые создавали сами или по идее и с помощью учительницы немецкого языка Н.Н. Дискаой. Когда время подходило к полуночи, учителя уходили встречать Новый год к Алексею Михайловичу на квартиру, которая располагалась в здании школы, и потом по очереди возвращались. А мы танцевали, пели, общались.

Когда мы окончили школу, в том же коридоре пировали с родителями и учителями.

Спортивного зала в здании тоже не было. Урок физкультуры всегда шел на улице, но рядом со школой возник своеобразный стадион стараниями учителя Валентина Михайловича Мыльцина. Многие ученики увлеклись дополнительными спортивными занятиями: бегали на скорость, совершали удивительные прыжки, готовили гимнастические

выступления, зимой носились на лыжах. Я же была увлечена стрельбой: в школе хранились ружья, а в степи под руководством Валентина Михайловича мы овладевали меткостью стрелков. На время, свободное от учебы, Мыльцин давал волейбольный мяч и повесил несъемную сетку, многие играли с увлечением каждый день. В результате на районных соревнованиях ученики нашей школы часто занимали первые места.

За физкультурной территорией располагался новый ботанический участок. Там учащиеся под руководством учительницы Ефросиньи Ивановны Ершовой (Лапуниной) посадили деревья, кустарники, ягоды (к нашему выпуску уже был роскошный урожай клубники!) и затеяли всякие сельскохозяйственные опыты, которые привели к участию в Выставке достижений народного хозяйства СССР в Москве. Впоследствии Ефросинья Ивановна была не раз награждена, а многие учащиеся настолько увлекались ботанической работой, что потом выбирали себе сельскохозяйственную профессию.

Наши учителя всегда чем-нибудь поражали нас, но почему они такие замечательные, мы не задумывались.

Например, Матрена Петровна Гапонова уроки химии часто проводила в единственном, считавшимся кабинетом, классе физики. Там она организовывала опыты, давая каждому сидящему за партой необходимые вещества и материалы. Мы с интересом все проделывали, теория химии становилась понятнее, и на выпускном экзамене весь наш класс, как я помню, сдал этот предмет на «4» и «5».

Самым строгим учителем у нас был физик Иван Федорович Гапонов. Он обязательно на оценку спрашивал по домашнему заданию учащихся, которые в рабочий день ходили смотреть кинофильм. А при объяснении нового материала очень четко писал наиболее важное на доске. И это так замечательно помогало овладеть физикой, что мне, например, хотелось писать гораздо кра-

сивые и четкие в тетрадах по всем предметам, и я изменила свое небрежное письмо. Кроме того, при объяснении он демонстрировал материал приборами, расположенными на длинном столе. Иван Федорович в основном сам их выстраивал, но кое-что просил приобрести директора, и тот ему помогал. Алексей Михайлович очень ценил его, писал о нем в районной газете, например, о том, как под руководством учителя физики 6-7-классники делали радиоприемники. Он посоветовал Ивану Федоровичу запускать музыку в кабинете для танцев в коридоре. Это стало бывать почти в каждый субботний вечер. Некоторые мальчики увлеклись физикой благодаря его преподаванию, и он без всякой платы расширял их кругозор. Наши сельские выпускники поступали при тогдашних огромных конкурсах не только в воронежские вузы, но и в Москву на физические и подобные факультеты.

Преподаватель географии Петр Андреевич Коробов давал обычные уроки, как классный руководитель боролся за наш коллектив, за успехи всех. Но больше всего он поразил меня тем, что часто руководил различными экскурсиями для учащихся, хотя одна нога у него была ранена. Она не сгибалась, и учитель двигался, хромая. Когда я окончила 7-й класс, он пригласил учащихся 14 лет и старше путешествовать по Воронежской области. Мы ехали на поезде до Лисок, ходили на экскурсии, купались на Дону. Он показал нам удивительные растения. Потом поплыли на пароходе до города Павловска и оттуда несколько дней шли пешком до Бутурлиновки. Когда шли вдоль реки Дона, наткнулись на высоком берегу на пещеры-катакомбы. Петр Андреевич включил фонарик и водил нас по этим длинным неосвещенным подземным путям, ведущим и вниз, и вверх, и на одном уровне. После выхода рассказал нам, как возникали такие пещеры — это выходы магматических пород гранитов и их добыча, или строительство религиозных центров. По дороге к Бутурлинов-

ке прошли по роскошному Шипову лесу, за которым специалисты ухаживали еще до революции. Петр Андреевич обращал наше внимание на красоту природы.

Когда экскурсанты собирались в школе для отъезда, обязательно приходил директор и всем внушал, что нужно подчиняться требованиям П.А. Коробова, потому что он проводит очень полезные путешествия, учит всерьез наблюдать, и руководимые им экскурсии обогащают учащихся ценными впечатлениями. Помню, что были объявлены поездки под его руководством в Москву, Ленинград, на Кавказ.

Наши учителя были не похожи друг на друга, но все (в том числе не упомянутые математичка Александра Михайловна Борисова, историк Василий Дмитриевич Морозов, учительница черчения Вера Петровна Коммодова и другие) нравились нам своим преподаванием и отношением к ученикам. Мы, конечно, не задумывались, какую роль для них играет директор школы.

Когда я стала взрослой, химик Матрена Петровна Гапонова рассказала мне, как она и другие учителя сначала боялись, что директор будет неудовлетворен их уроками. Но помнила, как неожиданно для нее Алексей Михайлович нашел в ее уроке химии удачные, с его точки зрения, учительские приемы и посоветовал их развивать. Гапонова сказала, что директор часто так поступал, анализируя уроки и других учителей.

После этого рассказа Матрены Петровны я поняла, что наши замечательные учителя стали такими во многом благодаря Алексею Михайловичу Иванову, который влиял на всех преподавателей. И они лучше обучали, развивали учащихся, получали удовольствие от своей работы.

Учебный предмет «русский язык» в те времена кончался в 7-м классе, а Алексей Михайлович считал, что надо улучшать грамотность учащихся в старших классах. Поэтому в коридоре вешали крупно написанный список 150 сло-

варных слов и предлагали всем их самостоятельно выучить. Через месяц-полтора проводили словарные диктанты в старших классах, и часто победители не только получали «5», но и награждались книжками. Надо сказать, что книги — это были главные дары за различные заслуги и отличия учащихся. Алексей Михайлович покупал чаще всего классические, хорошо по-тогдашнему изданные литературные произведения, и сам в них писал, за что и кому они вручаются.

Кроме того, директор добился, чтобы хоть раз в неделю в 10-х классах проводились уроки русского языка. Он давал теорию и практику обобщающе и объяснял все так понятно, что мы тут же выполняли без ошибок множество упражнений. До шестого класса я пропускала очень много уроков, самостоятельно занималась в основном математикой, а в русском языке кое-что не усваивала, поэтому нередко делала ошибки. Занятия в десятом классе заметно улучшили мою грамотность.

Алексей Михайлович считал, что для ученика еще в школе полезно выбрать свою будущую профессию. В десятом классе нам рассказывали о сельском хозяйстве и немало показывали. Водили на животноводческие фермы, где мы помогали работникам, учились водить грузовую машину. Предложили каждому на 2 часа в неделю ходить в учреждение, где можно было заниматься таким трудом, который нравится. Учащиеся выбирали разное: одни — шитье, другие — технику. А я попросилась в обсерваторию, расположенную недалеко от второго участка института В.В. Докучаева, и была принята. Занималась мониторингом вместе с работавшими там людьми. Потом все специальным образом оформлялось и по телефону общалось в Курск — в центр. Много было интересного, но я не связала свою будущую жизнь с этой профессией.

Обучали нас в школе очень хорошо. Когда наши «троечники», прежде не собиравшиеся поступать в вуз, через несколько лет захотели получить высшее

образование (особенно отслужившие в армии), то сами, без всякого платного репетитора, выучили нужные для вступительных экзаменов предметы, они сдали их на «4» и «5» и поступили по конкурсу в институты.

В годы учебы нас поражала смелость Алексея Михайловича, он мог идти вразрез с общепринятыми взглядами и доверял нам свои суждения о чем-либо. Например, мы не знали стихи Сергея Есенина, потому что их тогда не публиковали, но отрицательную характеристику этого поэта все мы читали. В семье ученика Дмитрия Котова (потом он стал доктором юридических наук, профессором ВГУ) родители сохранили старый сборник стихотворений Есенина. Дима давал его почитать на переменах, уроках тем, кому доверял. Всем Есенин понравился, мы удивлялись обвинениям в его адрес, но о своих впечатлениях помалкивали. А Нина Зотова поразила, что ее восторг не совпадает с официальным отношением к поэту, и обратилась к Алексею Михайловичу, чтобы во всем разобраться. Он похвалил ее за чуткое восприятие поэзии и предложил переписать и выучить понравившиеся стихи Есенина из данного ей сборника. Это поразило Нину, а директор сказал: «Уверен, что пройдут годы, Есенина переиздадут, признают талантливым поэтом, и его томик будет настольной книгой всякого здравомыслящего человека». Этот искренний разговор запомнился Нине на всю жизнь.

Надо сказать, что когда я училась еще в 8-м классе, мой отец стал сотрудником института им. В.В. Докучаева. Ему хотелось там трудиться не только потому, что увлекала научная деятельность. Он бывал в Каменной Степи и в детстве, и в юности. Его отец служил священником в селе Орловка и возил с собой на лошади сына, когда ездил куда-либо по приглашению. В 1911 году он провел богослужение, посвященное открытию сельскохозяйственной опытной станции имени В.В. Докучаева. Папа, будучи студентом, получил право на практику в этом учреждении. По-

этому ему, конечно, хотелось жить и трудиться там же. Работая на сортоиспытательном участке в селе Гуляй-Поле, он встречался с институтскими сотрудниками и директором Игорем Александровичем Скачковым, бывал на их научных конференциях. В 1954 году сотрудник московского партийного бюро на вопрос Игоря Александровича о моем отце ответил, что теперь хорошо специалиста, когда-то репрессированного, можно принимать на работу, потому что многие судебные дела стали пересматриваться и людей реабилитировали. Скачков предложил папе подать заявление, документы и характеристики докторов наук. При приеме в ученый совет против него проголосовало всего два человека. Он с радостью стал работать в институте им. В.В. Докучаева, и мы поселились недалеко от школы.

В 10-м классе я была претендентом на медаль. Но в мае пришла к нам учительница немецкого языка и рассказала родителям, что в школу приходила мать моей одноклассницы и требовала, чтобы меня не выдвигали на получение медали, потому что мой отец был когда-то арестован в Воронеже и осужден на 10 лет по статье 58. Я случайно услышала разговор, будучи в соседней комнате, но родители и учительница не знали об этом, а мне ничего не сказали. Я видела, что мои родители очень переживали за меня, и потому тщательно готовилась к экзаменам, а затем успешно их сдала. Директор поехал в Воронеж, и я поняла, что он не стал обращать внимание на слова той женщины, хотя она готова была осудить его. Вернувшись, он официально объявил, что я серебряная медалистка. Родители необыкновенно радовались, а я была очень благодарна Алексею Михайловичу и ценила его смелость.

К всеобщему счастью, очень скоро после объявления о моей медали папу вызвали в Таловую и вручили документ о реабилитации Военным трибуналом Воронежского военного округа. Ему показали результаты пересмотра его дела,

в котором говорилось, что «Трудовой крестьянской партии» не было. Поэтому 129 человек, арестованных в ЦЧО будто бы за участие в ее деятельности, реабилитировали.

Конечно, папа был счастлив: пусть и через 28 лет, но он был признан невиновным. Ему хотелось поскорее увидеть Алексея Михайловича и сказать, что за мою медаль директору теперь ничто не угрожает.

Я, окончив школу в 1957 году, стала студенткой историко-филологического (позднее филологического) факультета ВГУ. Моих пожилых больных родителей через два года вывезли в Воронеж. Поэтому я много лет не появлялась на территории НИИ им. В.В. Докучаева. Было известно, что после нашего окончания Каменностепной школы в ней появились ученические производственные бригады и звенья, которые часто назывались лучшими в стране. Их награждали вымпелами ЦК ВЛКСМ «Лучшей ученической бригаде», медалью имени И.В. Мичурина, мальчики и девочки получали свидетельства участников Выставки достижений народного хозяйства, а многие из них награждались медалями ВДНХ.

Такие успехи объясняются, прежде всего, позицией А.М. Иванова. Впервые, все говорили, что Алексей Михайлович всерьез погрузился в сельское хозяйство и стал в нем настоящим специалистом. Во-вторых, он считал, что соединение обучения с производственным исследовательским трудом обогащает духовный мир школьников, повышает их сознательность и нравственный уровень, воспитывает чувство долга и ответственность при выборе жизненного пути. Если школьники изо дня в день выполняют монотонную однообразную работу, они теряют интерес к труду. Поэтому в Каменностепной школе вовлекли ребят в опытническую деятельность. Как говорил Алексей Михайлович, «пробуждали жажду исследования буквально с первого класса».

В 1980 году 8 июня в Воронеже открылся Всероссийский слет членов уче-

нических производственных бригад, и по радио я услышала, что их руководителей везут в Каменную Степь. Было уже двадцать второе рабочее лето на ученических полях нашей школы, и мне очень захотелось побывать там. Села в автобус с ехавшими руководителями. При выезде из Таловой автобус остановился и в него вошел Алексей Михайлович и несколько нарядных школьников. Директор увидел меня и тут же представил всем как выпускницу его школы. И сказал областному начальству, что меня надо включить в эту компанию для знакомства с деятельностью их ученической производственной бригады.

Было необыкновенно интересно слушать не только Алексея Михайловича, но и учащихся. Они рассказывали о своей работе и показывали, что выращивали, сообщали о своих наблюдениях и экспериментах, например, об изучении влияния густоты насаждения и применения удобрений на урожай гибридов кукурузы. Некоторые результаты опытов ребят даже стали внедряться в производство, например, размножение картофеля методом двухурожайной культуры на безвирусной основе. Рекомендовали и предлагали учащимся выбирать наблюдения и опыты сотрудники института им. В.В. Докучаева, причем к этому времени больше 30 выпускников Каменностепной школы стали кандидатами и даже докторами сельскохозяйственных наук.

Формальное соседство учащихся и специалистов могло бы и не дать таких роскошных достижений ученических производственных бригад. Но Алексей Михайлович увлек всех коллективной деятельностью, в которой господствовала дружеская атмосфера. Специалисты под его влиянием всеерьез доверяли учащимся собственные научные проекты, а школьники, видя интерес взрослых к сельскохозяйственной науке, увлекались мыслями исследователей и с большим интересом проводили опыты.

Когда мы ехали на автобусе в Воронеж, сидевшие рядом со мной участни-

ки слета, разные по своим учебным профессиям (биологи, физики и т.д.), заспорили между собой, что преподает А.М. Иванов, потому что каждый, беседуя с ним, признавал его предмет преподавания своим. Я вмешалась в их спор, объясняя, что он обучал нас литературе и русскому языку. Они не сразу мне поверили, настолько широки были интересы, знания, умения и навыки у Алексея Михайловича!

Прошло несколько лет после той поездки. Детей воронежских школ отправили поработать в колхозы. Многие возвратились недовольные: не понравилось трудиться на совершенно неухоженных полях, никто ничего интересного не рассказывал, а у сына была группа, увлеченная главным образом драками друг с другом. Мне стало грустно. Поэтому на следующий год я повезла сына и дочь в Каменностепную школу и обратилась к директору с просьбой подключить моих детей к его работающим учащимся. Он, не возражая, охотно принял их.

Дочь с группой местных школьников главным образом исследовала, что вредно влияет на пшеницу и какие сорта самые стойкие против этого. А сын с мальчиками собирал и соединял алюминиевые трубы, подключал к гидранту и поливал плантации с луком. Интересная работа, плата за нее, объяснения работников института, дружба с местными ребятами — все принесло огромное удовлетворение моим детям. И на следующее лето они попросили отправить их туда же. Снова обратилась с просьбой к директору, он их опять принял и отнесился к ним по-доброму.

После я стала изредка бывать в Каменной Степи, на один-два дня останавливаясь в семье Алексея Михайловича. Мы расспрашивали друг друга о многом, о своей жизни и о предках. Он охотно рассказывал о разных моментах своей биографии.

Родился в маленьком селе Нижняя речка Нехаевского района Волгоградской области 26 октября 1922 года. Его дедушка был казачьим атаманом. Отец имел за плечами лишь два класса цер-

ковно-приходской школы, а мать вообще не знала грамоты, хотя всю жизнь мечтала научиться читать и писать. Но ей надо было вести домашнее хозяйство, поднимать на ноги двух сыновей, мечта не сбылась. Алексей Михайлович вспоминал, что сам начал учиться в детстве, часто босиком ходил в начальную школу соседнего села километра за два, но учиться ему очень понравилось.

Дедушка не выступал против действующей власти, однако его расстреляли как главного в селе казака. Отец, боясь из-за этого пострадать, тут же уехал подальше, кажется, сначала в Среднюю Азию. А мать стала самоотверженно трудиться, чтобы выжить и вырастить детей. Настоящая труженица, добрая отзывчивая женщина. Она с надеждой смотрела на сыновей, стремясь передать им свои лучшие черты. В сильном, настойчивом характере матери, безусловно, кроются истоки необыкновенного трудолюбия Алексея Михайловича.

Его отец стал членом коммунистической партии, через два года вернулся в центральную часть страны, но не туда, где раньше жил. Устраивался на разные работы, семья вместе с ним меняла место жительства. Алексей учился во многих школах и был всегда отличником. В конце 30-х годов отца арестовали, и он исчез неизвестно куда. Уже в старости Алексей Михайлович получил документы, в которых говорилось, что отца репрессировали и расстреляли, хотя он ни в чем не был виноват.

Жить без отца было трудно. Мать ради денег подключала к работе детей. Для этого она забрала Алексея из 9 класса, хотя учителя, ценившие способности ученика, уговаривали ее оставить сына в школе. Он начал работать, но об учебе мечтал и сохранившийся у него учебник истории выучил почти наизусть. В конце концов, в 1939 году мать разрешила ему подать документы в Воронежский учительский институт на отделение русского языка и литературы для преподавания в семилетней школе. Алексей сразу поступил, а в 1941 году окончил институт и был на-

правлен в Мечетскую семилетнюю школу Хреновского (теперь Бобровского) района.

Огонь войны обрушился на нашу страну, но по болезни девятнадцатилетнего Алексея на фронт не взяли, и он поехал трудиться в школе. В горле стоял комок из-за того, что не попал в армию. Когда попал в Мечетку, жители села провожали на военную службу директора школы. Увидев это, он впервые понял, как люди могут уважать учителя. Директор познакомил его с учительницей начальных классов Таисией Семеновной, советуя помогать ей и любить учеников.

Алексей Михайлович проработал там преподавателем русского языка и литературы до августа 1943 года и женился на Таисии Семеновне. Оттуда его перевели в село Семено-Александровку этого же Хреновского района. Он трудился не только учителем в средней школе, но был и заместителем директора по учебно-воспитательной работе и в 1947-м заочно поступил по своей специальности в Воронежской педагогический институт.

Мы тоже жили в Семено-Александровке с зимы 1948 года, но я в то время не знала Алексея Михайловича. Он служил в средней школе в центре села, а я училась в другой, начальной, переведенной в семилетнюю, когда я перешла в 5 класс. Мы жили на окраине очень длинной деревни, в которой было несколько колхозов. Папу в 1948-м отправили из села Купьянка Богучарского района в Семено-Александровку организовать при одном колхозе сортоиспытательный участок. Поначалу у нас не было своего жилья, папе выделили больных, ленивых колхозников для работы. Но слыша его требования и просьбы, понимая его серьезность и сельскохозяйственную образованность, стали подчиняться: на участок направили молодых членов колхоза и постепенно, четыре раза меняя, устроили более или менее удобное наше местожительство. Молодые колхозники с интересом относились к рассказам отца о растениях и

уходе за ними, совместно вели наблюдения за различными сортами, трудились на полях с восхода до захода солнца. Папа и меня летом часто брал с собой в поле.

В помощницы ему прислали выпускницу Воронежского СХИ Кружилину. Она с большим уважением отнеслась к деятельности моего отца Бориса Павловича и трудилась два года, пока ее муж окончил Воронежский мединститут и получил назначение в Таловую, куда и она переехала.

В этом селе я впервые нечаянно услышала, что папу когда-то арестовали и осудили на 10 лет. Мы жили тогда в одной комнате, к папе пришли колхозники, я была там же и слушала разговор. Они говорили, что во время выборов обычно предлагают голосовать за незнакомых людей. Теперь же они хотят выбрать в областной Совет папу и пришли договориться с ним об этом. Он стал отказываться, но люди говорили о его идеальной работе. И тогда папа, вздохнув, сказал, что в 1930 году был без вины арестован и осужден по 58-й статье на 10 лет. Колхозники замолчали и поклонились ему уходя. Когда они ушли, я спросила, за что же его арестовали. Он ответил, что его отец был священником и, наверное, за это его и осудили. И только после реабилитации в 1957 году папа стал подробно отвечать на мои вопросы о своей беде, но в том селе я его ни о чем больше не расспрашивала.

Неожиданно оказалось, что Алексей Михайлович знал в Семено-Александровке моего отца. Его удивило, что папа переехал оттуда и вместо заведующего сортоиспытательным участком стал помощником. Я рассказала, что в 1951 году папе прислали молодую помощницу. Работать она не хотела. Говорили, что она охотилась за мужчинами, которые были женаты, и, очевидно, чего-то от них добивалась, потому что их жены мазали навозом дверь дома, где она жила. Папа работал весь день, но без участия помощницы не успевал целиком оформлять результаты исследова-

ния сортов растений. Их надо было отправлять в Воронеж, поэтому частично, что могли, бумаги оформляли мы с мамой. В марте 1952 года папу вызвали в Хреновое, в райком ВКП(б). В те времена все колхозы обслуживала районная МТС (машинно-тракторная станция). По погоде, по лунному периоду, по состоянию земли и растений папа точно знал, что и когда надо сделать с помощью трактора на его поле, и по этой технике для сортоиспытательного участка обращался в МТС и в различные районные организации за помощью. Вскоре там стали просить его советов по обработке колхозных полей с помощью тракторов и вызывали для этого в Хреновое.

Но теперь первый секретарь райкома ВКП(б) Чеботарев Петр Георгиевич, знавший папу по работе еще в Богучарском районе, показал ему стопку жалоб и критики на него, написанных его ленивой помощницей. Сказал, что в эти жалобы не верит и предпринимать против него ничего не будет. Однако жалобщица может послать заявление в милицию, и его могут арестовать. Чеботарев посоветовал папе уехать работать на другой сортоучасток. Папа рассказал начальству в Воронеже о ситуации и просил помочь. Было только одно место работы — помощника на сортоучасток в селе Костенки. Он согласился и очень скоро туда уехал, а мы с вещами двинулись на новое место только в мае. Было трудно перебраться через реку Дон, потому что тогда весной не было надежной переправы: ни моста, ни парома. В ноябре из Костенок мы отправились в Гуляй-Поле Таловского района. Почему папа, оставаясь помощником, снова менял место работы, я не знаю, может быть, его увлекала близость там научно-исследовательского института.

Алексей Михайлович слышал выслушивание папы 1 Мая на встрече жителей Семено-Александровки, и его заинтересовал этот человек. Ему многое рассказали про агронома, его работу и отношения с людьми.

Тогда же у Алексея Михайловича произошла похожая беда. Будучи завучем, он следил за работой учителей. Один из них, физик, приходил на свой урок пьяный и очень задевал этим учащихся, и они пожаловались завучу. Тот убедился, что учитель ведет себя бессовестно, и стал его наставлять, что преподавать нужно трезвым и заботиться о школьниках. Но этот преподаватель не только не исправился, но будучи во главе партийной группы учителей, организовал исключение завуча из партии. Секретарь райкома ВКП(б) Аремаев Андрей Васильевич вызвал А.М. Иванова в Хреновое, расспросил об отношениях в школе, сказал, что не утверждает исключение его из партии, заменяет выговором и предложил ему найти другую школу для работы. Алексей Михайлович так и сделал: поездил по разным местам и устроился в Таловой. Поскольку в том же 1949 году он с отличием окончил педагогический институт, этой причиной и объясняли его переезд на работу в районную школу. Алексея Михайловича и меня потрясло, что первые секретари райкома партии тогда своими действиями и советами спасли жизни людей, руководствуясь собственным гуманным, добрым отношением к ним.

В 1949–1950 годах Алексей Михайлович работал в Таловой. В 1950-м был переведен завучем в Каменностепную школу, а с 1952 года стал ее директором. Причем он рассказал мне, что один из учителей хотел сам стать директором и был долго настроен против него. Но Алексей Михайлович не угнетал этого учителя, пользуясь своим новым положением.

Он рассказал мне еще один случай из своей жизни. Наша школа уже славилась успехами, его как директора выдвинули кандидатом в депутаты Верховного Совета. Увлекало это необыкновенно — бывать в Москве, решать вопросы в масштабе всей страны. Однако Алексей Михайлович понимал, что за его имя должны голосовать в том числе и те, кто знал, что его дедушка-казак был

расстрелян, и поэтому они могут активно выступить против его кандидатуры. Он решил отказаться от своего выдвижения и объяснил причину своего отказа людям высокой власти, назначившим его в кандидаты. При этом он все-таки рассчитывал, что они его успокоят, отвергая подобную негативную возможность. Ему сочувствовали, но с тревогой его согласились, решили, что рисковать не надо. Рассказывал все это Алексей Михайлович с затаенным чувством грусти.

Удивительно, но такие события не мешали его активной деятельности в школе и обществе. Он участвовал в областных и московских обсуждениях и решениях проблем обучения. С 1968-го по 1976 год был на пленуме обкома профсоюза работников просвещения, высшей школы и научных учреждений. В 1978 году принимал участие в работе Всероссийского съезда учителей, а в 1968 и в 1988 годах — в работе всесоюзных учительских форумов.

Очень многие ценили Алексея Михайловича. Например, когда в 1982 году ему исполнилось 60 лет, собралось и съехалось огромное количество любящих и уважающих его людей. Из его выпускников кроме большого количества работников сельского хозяйства сформировалось множество преподавателей. Это было видно по собравшимся в зале института им. Докучаева учителям из школ Таловского района, по выступавшим там преподавателям вузов из различных городов. Его выпускники стали кандидатами и докторами в сфере сельскохозяйственных, физических, химических, лингвистических, технических и других наук.

Для блага школьников и учителей Алексей Михайлович трижды намечал строительство новых зданий школы и добивался этого. В 1954 году построено первое двухэтажное помещение, в котором мы учились, начиная с 8-го класса. В 1960-м возведено добавочное одноэтажное здание с восемью классными комнатами. В 1986-м — роскошное трехэтажное, хотя в нем он стал уже не

директором, а учителем истории и школьным психологом, но спланировал и добился постройки этого здания именно он. Когда у школы появился этот корпус, директором по рекомендации А.М. Иванова стала Ольга Николаевна Студеникина, его ученица, окончившая исторический факультет ВГУ. Они были очень дружны, взаимно внимательны, мы видели это на встрече выпускников Каменноостепной школы. Ольга Николаевна во многом следовала принципам работы Алексея Михайловича, используя, например, индивидуальный подход к учащимся. Ее наградили значком «Отличник народного

просвещения», а в 1991 году она стала заслуженным учителем России.

В 2007-м А.М. Иванову исполнилось 85 лет. Он проработал в школах 54 года, из них 45 лет — учителем и 35 — директором Каменноостепной школы.

19 октября 2011 года перестало биться его сердце.

Имя Алексея Михайловича Иванова в названии школы напоминает об огромном вкладе его сил и мыслей в совершенствование этого учебного заведения. Дай Бог, чтобы образ Алексея Михайловича благотворно влиял на учителей, выпускников и учеников школы, на его детей, внуков и правнуков.

